

Рустем Вахитов

Идеальное Ильенкова с точки зрения платонизма

RUSTEM VAKHITOV

THE IDEAL IN EVALD ILYENKOV FROM THE STANDPOINT OF PLATONISM

ABSTRACT. The article examines the Soviet philosopher Evald Ilyenkov's approach to the concept of the ideal. Ilyenkov believed that Plato, who discovered the concept of 'idea', misinterpreted the existence of the 'ideal'. In his opinion, the political economic theory of Karl Marx is the only key to understanding the ideal. Ilyenkov considered the phenomenon of value described in Marx's *Capital* to be an example of the ideal. The commodity-money exchange is similar to the exchange of substances between man and nature (as Marx defined labor). The value of a thing emerges in the process of market exchange just as a substance of nature obtains the imprint of a man's idea in the course of its processing. However, this metaphor may be extended: there is no value in a thing before market exchange. Still, to produce a thing, some abstract labor was spent, the amount of which is reflected in the value. Similarly, there must be an essence in an object of nature, which later comes to be reflected in ideal existence. This essence is the universal form of a thing, which is represented in the material body of another thing — e.g., of a cultural item. In the process of such representation of one thing's universal form by another thing, the ideal appears. Ilyenkov acknowledged the existence of the universal in nature, but he characterized it as material existence. Meanwhile, these universal forms and laws possess all the parameters of ideal existence. This was indicated both by M. Lifshits and A. Losev. Thus, Ilyenkov failed to refute Plato's theory of ideas, and at the same he added to it an important nuance.

KEYWORDS: Evald Ilyenkov, the ideal, Plato, *eidōs*, universal forms.

1. Вызов платонизму

Концепция идеального, принадлежащая советскому творческому марксисту Эвальду Васильевичу Ильенкову (1924–1979), конечно, была вызовом платонизму. Ведь советский философ полагал, что Платон, открыв феномен идеального, неправильно его

© Р.Р. Вахитов (Уфа). ruat_r_vahitov@mail.ru. Башкирский государственный университет.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 11.2 (2019)

DOI: 10.25985/PI.10.2.15

истолковал и что якобы только в политэкономических штудиях Маркса проблема идеального получила верное решение, выдистиллированное оттуда и прокомментированное самим Ильенковым. В этом есть нечто странное. Платонизм был и в определенной мере остается магистральным направлением в русской философии. Понятно, что в советские времена философы-платоники не могли ответить Ильенкову в официальной печати напрямую (хотя немарксистские авторы и в то время говорили многое, виртуозно применяя «Эзопов язык»). Но ведь и теперь, когда цензурные препоны пали и можно стало свободно критиковать марксизм и марксистов, мы так и не увидели ответа платоников на рассуждения советского философа об идеальном.

Особенно удивительно молчание последнего живого великого русского философа-платоника Алексея Федоровича Лосева. А ведь он не только был современником Ильенкова и, безусловно, читал его работы — он лично знал его, встречался с ним, даже был в хороших отношениях на почве общей любви к Вагнеру. Лосев, между прочим, живо интересовался всем, что происходит у марксистов, по-своему пытался участвовать в марксистских дискуссиях, всегда задавая высокую планку самой постановкой проблемы, не меньше Ильенкова критиковал вульгарный марксизм и вульгарный материализм, причем не только в ранних работах, но и в «Истории античной эстетики». Тема идеального, или эйдоса, как сказал бы Лосев, была одной из излюбленных его тем в философии, и, конечно, Лосеву было что сказать по поводу суждений Ильенкова об идеальном.

Возможно, своеобразным откликом такого рода была чеканная формулировка из биографии Платона и Аристотеля, написанной в соавторстве с А.А. Тахо-Годи, где Лосев твердо отстаивает неопровержимость существования идей:

учение об идее как о принципе осмысления вещей, как об их общей целостности, являющейся законом их отдельных проявлений, это осталось в науке навсегда, и от этого всемирно-исторического платонизма никакая философия не может и не

должна отказаться. *Всеобщую закономерность вещей, конечно, можно не называть идеей или совокупностью идей, но от самой этой всеобщей закономерности вещей наука отказаться не может* (курсив мой — Р.В.)¹.

Имя Ильенкова здесь не упоминается, но он вполне мог иметься в виду, потому что именно Ильенков среди современников Лосева, с одной стороны, отстаивал объективность идеального, что не могло Лосеву не импонировать, а с другой стороны, доказывал, что ничего идеального вне человеческого мира нет, с чем Лосев был решительно не согласен.

Парадоксально, что больше всего на платонический ответ Ильенкову похожи знаменитые рассуждения Михаила Александровича Лифшица, хотя сам он платоником себя не считал и позиционировал себя как «обыкновенного марксиста», лишь берущего «займы» у Платона. Во всяком случае, любой платоник, который попытается осмыслить со своей позиции точку зрения Ильенкова, не только не может проигнорировать аргументы Лифшица, но и должен использовать их и развивать дальше. Чем собственно, мы и собираемся заняться в этой статье.

2. Метафора «товарный обмен — обмен между человеком и природой» у Ильенкова

Общеизвестно, что свою концепцию идеального Ильенков вывел из «Капитала» Карла Маркса, анализируя Марксово понятие меновой стоимости (или просто стоимости): «совсем не случайно Маркс возвращается к проблеме идеального как раз в связи с проблемой стоимости», — пишет он². Стоимость товара, по Ильенкову, есть один из нагляднейших примеров объективного идеального. Во-первых, стоимость не совпадает с материальным телом товара и необнаружима для наших органов чувств и, во-вторых, она не совпадает и с психическими феноменами и не зависит от

¹ Лосев, Тахо-Годи 1993: 92.

² Ильенков 1991: 241.

наших субъективных желаний. Что же такое стоимость? По Марксу и Ильенкову, вещь начинает что-либо стоить, приобретает меновую стоимость, то есть превращается из вещи в товар, когда ее меняют на другую вещь, то есть когда она вовлекается в рыночный обмен. Причем, как это доказывал Маркс в примере с холстом и сюртуком, стоимость не возникает одна, она появляется в паре с эквивалентом — другим товаром, который выражает стоимость в своем материальном теле. Стоимость воплощается в эквиваленте. Товар становится материально-идеальным предметом и остается таковым, пока длится рыночный обмен (как только этот обмен прекращается, товар становится просто предметом потребления, он лишается меновой стоимости до следующего своего путешествия на рынок, если таковое состоится).

Это ключ к пониманию любой разновидности идеального у Ильенкова. *По сути дела, советский философ превратил рассуждение из «Капитала» Маркса в метафору появления идеального вообще.* Ильенков утверждал, что идеальное возникает и существует лишь в процессе труда, но еще Маркс определял труд как процесс обмена веществ между человеком и природой³. Человек берет от природы материал, сырье, а возвращает предмет культуры, который есть уже материально-идеальный предмет, в который заложен человеческий смысл, цель, предназначение. *Подобно тому как при рыночном обмене возникает стоимость и находит свое воплощение в эквиваленте, в процессе труда возникает идеальное и находит свое воплощение в материальном теле предмета культуры.* Взглянув на солнце, какой-то древний мастер сделал колесо, то есть он «породил» идею круга в ходе создания колеса.

Однако по Ильенкову в самом солнце никакой идеи круга не было, как не было ее и в мозге мастера, каковой также представлял собой природную вещь. Вещи природы, согласно советскому

³ «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой» (Маркс 1950: 184).

философу, сами по себе лишены идеального, оно «живет» не в дереве и камне, а в колесе и статуе, причем живет не постоянно, а только лишь моментами. Фактически таких момента три — когда колесо и статую делают, когда ими пользуются по назначению (колесо используют для езды, а статую — для украшения помещения или парка) и, наконец, когда их «потребляют идеально», то есть делают предметом мысли. Во всех остальных случаях, по Ильенкову, в этих предметах не больше идеального, чем в дереве или в камне, из которых их создали.

3. Развитие метафоры: что же в реальном мире?

Но ведь метафору, которую предлагает Ильенков, можно развить, и тогда появятся вопросы, на которые будет трудно ответить, оставаясь на позициях его концепции идеального. Пусть обмен товарами аналогичен взаимодействию человека с природой, в результате которого «первая природа» превращается во «вторую» — в культуру. Действительно, по Марксу до того, как вещь была вовлечена в рыночный обмен, ее стоимость не могла быть выражена, потому что не было зеркала, способного ее отразить — другой вещи, эквивалента. Более того, с одной стороны можно было бы даже утверждать, что вещь до своего прихода на рынок и не имела стоимости, потому что не была товаром (ведь не является товаром вещь, созданная для потребления внутри натурального хозяйства). Это полностью соответствует заявлению Ильенкова о том, что предмет природы, пока его не коснется человек (рукой, изменяющей его форму или хотя бы глазом, вовлекающим его в человеческую практику, — как звездное небо, превращаемое нами в компас и календарь), не имеет в себе идеального содержания.

Однако, всё немного сложнее. *Возможно, стоимости в предмете, еще не ставшем товаром, и нет, но субстанция стоимости — абстрактный труд — в нем так или иначе присутствует*, так как для изготовления этого предмета, этой потребительской стоимости, были потрачены физиологические силы человека. Разуме-

ется, этот абстрактный труд был неотделим от конкретного труда, создавшего именно эту потребительскую стоимость, но глупо отрицать, что и он воплощен в материальном теле вещи. Он, конечно, не тождественен стоимости — он примет ее форму, только когда перед ним появится «рыночное зеркало», как отражение Петра в зеркале появляется, только когда Петр поднесет зеркало к лицу, но это же не значит, что, пока он этого не делал, Петра вовсе не было.

Точно так же и идеальное не рождается в процессе труда из ничего, чтобы воплотиться в предмете культуры. *Природная вещь несет в себе нечто, что потом примет форму идеального или отобразится в форме идеального.* Интересно, что Ильенков это понимал и пытался по-своему на это указать. На данное обстоятельство обратил внимание М.А. Лифшиц. Возьмем классическое определение идеального у Ильенкова:

Под «идеальностью» или «идеальным» материализм и обязан иметь в виду то очень своеобразное и то строго фиксируемое соотношение между, по крайней мере, двумя материальными объектами (вещами, процессами, событиями, состояниями), внутри которого один материальный объект, оставаясь самим собой, выступает в роли представителя... всеобщей природы... другого объекта, *всеобщей формы и закономерности этого другого объекта* (курсив мой — Р.В.), остающейся инвариантной во всех его изменениях, во всех его эмпирически-очевидных вариациях⁴.

Лифшиц в «Диалоге с Эвальдом Ильенковым» замечает, что, очевидно, эта «всеобщая форма и закономерность объекта» существует в этом объекте еще до того, как он попал в руки человека и был превращен в предмет культуры: «ведь признает же он (Ильенков — Р.В.) „всеобщее“ объективной категорией, присущей и природе и обществу»⁵. Или вот Ильенков рассуждает об «антропоморфизации природы», придании ей человеческих норм в процессе труда и заявляет: «такая антропоморфизация как раз

⁴ Ильенков 1991: 235.

⁵ Лифшиц 2003: 215.

и раскрывает перед человеком *суть природных явлений* (курсив мой — Р.В.), тех самых явлений, которые он вовлек в процесс производства»⁶. Обратим внимание, что по Ильенкову природные явления имеют некую суть, которая, очевидно, объективна, так же, как и сами явления, находится вне индивидуального и общественного сознания, и, вероятно, эта суть и выражается в идеальном в «общественной голове человека».

Ильенков до конца не продумал и ясно не осветил этот вопрос, просто потому что при жизни никто не вступал с ним в полемику по этому поводу и не побудил его высказаться более развернуто (напомню, что Лифшиц выступил со своей критикой уже после смерти философа). Но можно попробовать предположить возможную аргументацию Ильенкова. Конечно, по его убеждению, в реальном материальном мире наличествует всеобщее. Ильенков прямо об этом писал в статье «О всеобщем», где он отмечал, что марксистское понимание всеобщего

связано с утверждением объективной реальности всеобщего — но отнюдь не в смысле Платона и Гегеля, отождествляющих это всеобщее с «мыслью»... В смысле закономерной связи материальных явлений, в смысле закона их сцепления в составе некоторого каждый раз конкретно-очерченного — целого, в составе... саморазвивающейся «тотальности»⁷.

Но это реальное, объективно существующее всеобщее не совпадает с идеальной категорией «всеобщее», которая, по Ильенкову, рождается в процессе взаимодействия человека с природой, отпечатывается на предметах культуры, а затем извлекается из них разумом человека в процессе использования их по назначению и становится достоянием философа. Точно так же дело обстоит и с сущностью вещи, тоже объективно существующей, как и сама вещь. Она есть, как об этом и писал Ильенков, но не тождественна идеальной категории «сущность».

⁶ Лифшиц 2003: 221.

⁷ Ильенков 1991: 327.

Бесспорно, Ильенков разделял тезис о тождестве бытия и мышления, который является отличительным признаком любой классической диалектической философии, в том числе и марксизма. Но он понимал его не как слияние идеального и материального. Материальное по Ильенкову вообще не совпадает с идеальным, иначе их невозможно было бы друг другу противопоставить. Еще в своей ранней книге о диалектике абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса советский философ заявлял, что противоположности совпадают именно потому, что они остаются при этом противоположностями, а не потому что они сливаются в некое неразличимое единство:

конкретность, понимаемая как выражение живой, фактической, объективной связи взаимодействия реальных единичных вещей, и не может быть выражена в виде абстрактного тождества, голого равенства, чистого подобия рассматриваемых вещей. Любой, самый элементарный случай реального взаимодействия в природе, обществе или в сознании заключает в своем составе не просто тождество, а обязательно тождество различного, единство противоположностей⁸.

Между прочим, — это уязвимая позиция, хотя и характерная для советской материалистической диалектики, выдвигающей на первый план не единство, а борьбу противоположностей. Вместе с тем классическая диалектика, восходящая к Платону и Плотину, требует и того, и другого: противоположности и едины, и неслиянны. Иначе невозможно объяснить: как материальное взаимодействует с идеальным, если в них нет ничего общего, если даже их единство напоминает лишь механическое сцепление шестеренок, так, чтоб где у одной — зуб, у другой — вырез (это пример самого Ильенкова из названной книжки).

У Ильенкова и получается эта асимметрия: человек и творимая им культура материально-идеальны, а внечеловеческая реальность, с которой взаимодействует человек в процессе труда, —

⁸ Ильенков 1960: 61.

сугубо материальна и до вмешательства человека не причастна ни к какой идеальности. Но как тогда возможен труд? Вода и масло не взаимодействуют, а отталкиваются друг от друга...

Конечно, по Ильенкову, в мире природы, до человека и независимо от него существуют и всеобщее, и сущности вещей, но при этом они не идеальны, как учила вся идеалистическая традиция, начиная с Платона, а... материальны. На это указывает Сергей Николаевич Мареев, критикуя понимание идеального у Лосева с позиций ильенковской философии: «Платонизм, как считал Лосев, неопровержим, потому что все, что невещественно, идеально»⁹. Иначе говоря, по Ильенкову всеобщее, сущности вещей и даже, как потом доказывает Мареев, законы природы невещественны, но вполне материальны, так как принадлежат к материальной, независимо от нас существующей, окружающей нас природе. *Получается, Ильенков и ильенковцы провозглашают существование третьей разновидности материи, наряду с веществом и полем, которое можно назвать протоидеальным*¹⁰. Это «материальное протоидеальное» и есть тот прообраз, который, отражаясь в зеркале предметов культуры, проявляет себя как идеальное. Как тут не вспомнить слова Лосева: «Всеобщую закономерность вещей, конечно, можно не называть идеей или совокупностью идей, но от самой этой всеобщей закономерности вещей наука отказаться не может»!

Противоречивая получается картина. Это «протоидеальное в природе» (всеобщее, сущности, законы) невещественно, то есть не имеет размеров, объема, плотности, формы, массы; его нельзя увидеть, потрогать, пощупать, обнаружить при помощи приборов, словом, оно лишено всех известных нам свойств материальных объектов; более того, мы знаем о существовании этого протоидеального только благодаря нашему мышлению, но оно... мате-

⁹ Мареев 2015: 204.

¹⁰ На самом деле, согласно платонизму можно говорить о «невещественном в природе», не совпадающем с веществом и полем, это — сама материя как бесформенный субстрат, она — небытие, и поэтому невещественна.

риально, и всё тут! На законный вопрос: «почему?» ильенковцы смогут предложить только один ответ: потому что оно находится за пределами общественного сознания, в мире объективной действительности. Помнится, Эвальд Васильевич Ильенков едко высмеивал своего оппонента Игоря Сергеевича Нарского за то, что тот, считая, что идеальное наличествует только в индивидуальной психике, всё остальное был вынужден отнести к материальному, в том числе и феномены объективного идеального:

Пока под «идеальным» понимается всё то, и только то, что имеет место в индивидуальной психике, в индивидуальном сознании, в голове отдельного индивида, а всё остальное относится в рубрику «материального»... (этого требует элементарная логика), к царству «материальных явлений», к коему принадлежат солнце и звезды, горы и реки, атомы и химические элементы и все прочие чисто природные явления, эта классификация вынуждена относить и все вещественно зафиксированные (опредмеченные) формы общественного сознания, все исторически сложившиеся и социально-узаконенные представления людей о действительном мире, об объективной реальности¹¹.

И, надо заметить, совершенно правильно высмеивал! Но не оказывался ли Ильенков и сам в точно такой же ситуации, приняв как догму тезис о том, что идеальное существует лишь в общественном сознании, а всё то, что вне его, — сугубо материально? Поэтому он и вынужден был придумывать какие-то материальные, но невещественные фантастические сущности...

4. Одно или два идеальных?

Незабвенный Козьма Прутков сказал: «Если на клетке слона прочтешь надпись: „буйвол“ — не верь глазам своим». Как бы ни уверяли ильенковцы, что всеобщее, сущности и законы в природе — материальны, очевидно противоположное. Лифшиц совершенно верно характеризует их как идеи или, правильнее сказать, эйдосы, в платоновско-аристотелевском смысле, которые

¹¹ Ильенков 1991: 234.

есть «идеальные образцы вещей», каковым вещи пытаются уподобиться, но не могут в силу грубо-вещественной природы материи. Лифшиц пишет:

И откуда бы человеческий труд мог извлечь нечто идеальное, если бы он не был полезной общественному человеку стилизацией процессов природы? Формы и отношения материальных вещей, которые человек берет за основу своей трудовой деятельности, сами по себе не вещество, а некоторые пределы того, что дают нам наши чувственные восприятия в опыте. Но эти пределы реальны, принадлежат объективной реальности, и наше сознание или воля не могут их сдвинуть с места по произволу. Такими пределами являются идеальный газ, идеальный кристалл — реальные абстракции, к которым можно приближаться так же, как приближается к окружности многоугольник с бесконечно растущим числом сторон¹².

Ильенковцы на это возражают: идеальное, мол, не существует в природе — ни в объектах природы, ни в мозге человека. Кто же с этим спорит? Идеальное по своему определению таково, что оно не имеет размеров, объема, плотности, оно не занимает места в пространстве и не подчиняется условиям времени. Именно поэтому оно не существует в природе в том смысле, что если вы станете долбить камень, то вы всё равно не найдете в нем идею камня. Но точно так же, распиливая стол на всё меньшие части, вы не найдете в нем идею стола, и, как верно сказал Маркс, разлагая на атомы товар, вы не найдете там ни атома идеальной стоимости. Но в том смысле, в котором каждая вещь — будь она объектом природы или предметом культуры — должна быть связана с определенным эйдосом, который является принципом и законом организации ее материи, идеальное присутствует и в культуре, и в человеке, и в природе, и где бы то ни было. Даже в мозге, про который Ильенков, споря с Дубровским, не уставал повторять, что тот-де лишен идеального, в определенном смысле идеальное присутствует. Мозг, как известно, если его извлечь

¹² Лифшиц 1984: 123.

из черепной коробки, внешне напоминает полушарие, а значит, материя мозга связана с эйдосом полушария, она буквально пронизывается им, она организуется им и подчиняется ему.

А.Д. Майданский в свое время предположил, что тайна полемики Лифшица с Ильенковым об идеальном состоит в том, что они имели в виду разное:

Всякий диалог или спор имеет смысл лишь при условии, что стороны говорят об одном и том же предмете. Любое разногласие предполагает молчаливое согласие — по меньшей мере согласие насчет значения слов. Лифшиц же начинает свой «диалог» с Ильенковым с перемены значения термина. У его «идеального» столь же мало сходства с «идеальным» Ильенкова, как у созвездия Пса с лающим «другом человека». Ильенков ищет идеальные формы в реальной человеческой деятельности, в предметно-практических отношениях между людьми, ну а мысль Лифшица витает в мире абстракций, любуясь там «идеальными кристаллами». Затянутый Лифшицем «диалог» с Ильенковым поэтому бессмыслен¹³.

Однако Платон и Плотин не согласились бы с этой точкой зрения. *Идеальное согласно платонизму одно — это идея вещи, ее эйдос, находящийся в Космическом Уме — вместилище всех идей*¹⁴ (правильнее сказать, являющее собой один из его, Ума, бесчисленных аспектов). Эйдосы не создаются людьми, их творец¹⁵ — бог. Платон в X книге «Государства» писал, что существует три кровати: первая — эйдос, сотворенный богом, вторая — материальная кровать, сделанная ремесленником, и третья — образ кровати, созданный художником¹⁶. Ни о каком эйдосе, существующем в голове человека, пусть даже «общественной», в предметах матери-

¹³ Майданский 2009: 68.

¹⁴ Точнее, А.Ф. Лосев выделял два вида идеального: замыслы Бога о мире (эйдосы в тетрактиде А) и эйдосы, лежащие в основе вещей этого падшего мира (эйдосы в тетрактиде Б), но мы не станем заходить в такие дебри идеализма, чтоб не потревожить душевный покой наших читателей-материалистов.

¹⁵ Разумеется, речь не идет о создании во времени.

¹⁶ См. R. 596–597.

альной культуры, Платон ничего не сообщает (а возражения, что по Платону-де идеи — в небесном мире, а идеи в вещах открыл только Аристотель, демонстрирует лишь безграмотность возражающего: повторим, идея не может находиться где-нибудь в пространстве — ни на небе, ни на земле).

Художник или ремесленник (искусство в античности — «технэ», неотделимое от ремесла) созерцает божественную идею своим умом. По образцу этой идеи он создает предмет культуры (изображение кровати или материальную кровать), соединяя вещество природы с божественной идеей. При этом она не в его душе и уме, а в Космических Душе и Уме, и предмет культуры причастен всё к той же божественной идее в Космическом Уме. В уме человека есть отпечаток этой идеи («ноэма»), но он, как правильно писал Ильенков, — не само идеальное, а лишь его психический коррелят.

Да и не могло бы быть двух идеальных: одного — в общественном сознании, другого — вне него. Чем бы они отличались друг от друга? Местонахождением? Мы уже показали, как нелепо это предположение.

5. Роль труда в обнаружении идеального

Итак, идеальное — одно (если мы отвлечемся от лосевской тетрактиды А), это идеи Космического Ума, которые организуют вещи природы — через посредство творческого начала космоса или Космической Души — и предметы культуры — через посредство занимающегося «технэ» (ремеслом, искусством, торговлей) человека. С этой точки зрения Ильенков увидел лишь вторую часть этой схемы, но это не значит, что отсутствует первая.

Но как так получилось, что взор Ильенкова пал именно на труд и именно в труде он увидел «рождение идеи»? Только ли в «трудоцентричности» марксизма как такового здесь дело? Думается, это было бы слишком простым ответом. Попробуем разобраться с этим подробнее, конечно, опираясь на платоническую теорию идеального.

Природная вещь, из которой сделан предмет культуры, причастна идее. Это наделяет ее свойствами, представляющими ценность в определенной ситуации (*R. 596b–e*)¹⁷. К примеру, дерево обладает таким свойством, как твердость, потому что оно причастно идее твердого тела. Это свойство очень полезно, если мы хотим сделать стол, ведь стол — приспособление, при помощи которого можно удерживать предметы (ложку, тарелку, бумагу, карандаш) на удобной для манипуляции ими высоте, а для этого поверхность стола должна быть твердой.

Но что делает ремесленник, когда он отрубает у дерева ветки, сдирает с него кору, распиливает ствол на доски и сколачивает из них стол? С одной стороны, он избавляется от одних, ненужных, бесполезных или даже вредных в данной конкретной ситуации свойств и оставляет лишь одно, полезное свойство, которое делает вещь ценностью — и потребительской и, может даже, меновой. Если последнее случится, и стол, сработанный ремесленником из дерева, окажется на рынке, то идеальность, связанная с его полезным свойством, выявится в меновой ценности или стоимости, как только у стола появится эквивалент — товар, на создание которого потратили такое же количество труда. Короче говоря, с одной стороны, труд избавил вещь от всех прочих свойств, кроме одного, полезного, и тем самым увеличил ее ценность.

Но с другой стороны, труд приблизил материальную вещь к идее твердого тела (которую ремесленник созерцал умом, когда делал из дерева стол). Дерево, срубленное в лесу, было гораздо дальше от идеального твердого тела, чем сделанный из него стол, ведь у дерева были гибкие ветки, мягкая кора, и наоборот, стол гораздо ближе к идее твердого тела, чем дерево, из которого его сделали. Короче, «в столе» идея твердого тела «видна» лучше, чем в дереве. Поэтому ее и легче «там» обнаружить.

Вот и ответ. Ильенков нашел идеальное в труде, потому что результаты труда лучше, полнее воплощают идеи, чем соответ-

¹⁷ Предмет, не причастный идее, вообще превращается в бесформенную массу, лишенную каких-либо свойств, — в материю.

ствующие природные вещи. Но, конечно, идеальное не возникло в процессе труда (оно вообще не может «возникнуть» в обычном смысле слова, потому что не подвластно условиям времени). Идеальное было связано с природным материалом, взятом ремесленником, потому что материал этот был материально-идеальным, он уже имел определенные свойства и формы, поэтому и был выбран в качестве материала.

Правда, идеальное, которое обнаруживается в предметах, созданных трудом (а не искусством и уж тем более — не в словах и понятиях), — это идеальное особого рода. Не зря Ильенков называет его однажды «схемами-образами». С точки зрения платонизма, речь здесь идет не об эйдосах во всей их сложности, внутренней связи противоположностей, а, скорее, о логосах, схемах эйдосов (вроде абстракции твердого тела). Эйдосы как таковые раскрываются уму человека не через труд, а через искусство или через философскую диалектику. Ильенков бы с этим не согласился, но именно так это и выглядит на взгляд платоника¹⁸. Впрочем, это уже другая, отдельная большая тема.

¹⁸ Речь, прежде всего, о христианском неоплатонизме А.Ф. Лосева.

Литература

- Ильенков, Э.В. (1991), “Диалектика идеального”, in Id., *Философия и культура*, 229–269. М.: Издательство политической литературы.
- Ильенков, Э.В. (1960), *Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса*. М.: Издательство Академии наук СССР.
- Лифшиц, М.А. (2003), *Диалог с Эвальдом Ильенковым*. М.: Прогресс-Традиция.
- Лифшиц, М.А. (1984), “Об идеальном и реальном”, *Вопросы философии* 10 (1984): 120–145.
- Лосев, А.Ф.; Тахо-Годи, А.А. (1993), *Платон и Аристотель*. М.: Молодая гвардия.
- Майданский, А.Д. (2009), “Восхождение к идеальному”, *Логос* 1.69: 63–73.
- Мареев, С.Н. (2015), *Э.В. Ильенков: жизнь философией*. М.: Академический проект.
- Маркс, К. (1950), *Капитал. Критика политической экономии*. Том 1. Книга 1: *Процесс производства капитала*. Пер. И.И. Скворцова-Степанова. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Maydanskiy, A.D. (2009), “Voskhozhdeniye k ideal'nomu”, *Logos* 1.69: 63–73.